ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 18.

11 МАЯ 1858.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ). Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер. иногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ленгольда и въ книжномъ Базунова.

Редакція находится въ Офицерской улицѣ, близъ Большаго Театра, въ домѣ Китнера, кв. № 33.

Къ 18-му № прилагаются: «Bon soir Pensée», соч. Куз и «Рѣзвуха-полька», соч. Мавроди.

Содержаніе: Александринскій театръ (В. Стоюнина).—Музыкальныя новости (А. Сѣрова). — Бепефисъ г-жи Пети-па М. Раппарта). — Выставка въ Императорской академіи художествъ (А. Сѣрова).—Крамерь. (Шекрологъ). — Иностраннѣй Вѣстникъ. — Музыкальныя извѣстія.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Спектакль въ пользу г. Алексѣева, 5 мая.

1) Боярское слово или ярославская кружевница, драма въ двухъ отдѣленіяхъ, соч. Ободовскаго. 2) Предубѣжденіе, комедія въ двухъ картинахъ, соч. г. Львова (въ первый разъ). 3) Игра счастья (Un tour de Roulette) комедія въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго г. Соловьева (въ первый разъ). 4) Рабъ повинуіся или изъ огня да въ полымя, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, переделанный съ французскаго. 5) Польза заграничнаго леченія, комедія-водевилъ въ одномъ дѣйствіи г. Кулкова (въ первый разъ).

Афиша объявила пять ніесъ, но конечно публику собрала въ театръ только комедія г. Львова, прославившагося въ сценической литературѣ комедіею: «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей», за которую по справедливости публика выразила ему такое задушевное спасибо. О новой комедіи г. Львова слухи ходили уже давно, и слухи, которые много говорили въ ея пользу, потому и неудивительно, что публика съ нетерпѣніемъ ожидала ее. Конечно, намъ слѣдовало бы начать свой отчетъ ея разборомъ, но для насъ будетъ удобнѣе и лучше посвятить ей особенную статью; здѣсь же расскажемъ только содержаніе комедіи. Нѣкто Славомірскій, отставной генералъ, живущій въ своемъ помѣстьѣ, сядя за утреннимъ чаемъ со своею сестрою, Кустодіевскою, помѣщицей изъ другаго уѣзда, вычиталъ въ газетѣ, что въ ихъ уѣздѣ назначается новый становой приставъ, Фроловъ, кандидатъ университета. Генералъ имѣетъ предубѣжденіе къ

званію стаповаго пристава и произноситъ свой рѣшительный судъ надъ неизвѣстнымъ ему молодымъ человѣкомъ. Между тѣмъ сестра его, съ претензіями на аристократизмъ, задумывается надъ именемъ Фролова и вспоминаетъ одного молодого человѣка съ тѣмъ же именемъ, который ей когда-то пришлось по сердцу, хотя и не по годамъ. Неужели опъ могъ сдѣлаться становымъ приставомъ, тогда какъ ему стоило обратиться къ пей и она съ помощью своихъ связей устроила бы ему карьеру? Разговоръ отъ стаповаго переходитъ вообще къ подъячимъ и взяточникамъ. Третіе лицо присутствующее на сценѣ, племянникъ хозяина, молодой помѣщикъ Шалаевъ, припоминаетъ недавній случай по дѣлу, которое его дядя поручилъ ему выправить въ какомъ-то судѣ: пѣккіи господинъ съ большимъ вліяніемъ на дѣла, угостившись на его счетъ, попросилъ съ него откровенно двѣ тысячи рублей, обѣщая все устроить наилучшимъ образомъ. Поэтому случаю генералъ негодуетъ снова, а когда Шалаевъ уходитъ проспаться послѣ нѣсколькихъ почеей, безпутно проведенныхъ на ярмаркѣ, пегодованіе ветерана обращается на племянника, который проводитъ жизнь въ самой отчаянной праздности. За этимъ Кустодіевская объявляетъ своему брату, что за его дочь Наденьку сватается Голумбицкій, помѣщикъ, коллежскій совѣтникъ и притомъ человѣкъ съ состояніемъ; онъ видѣлъ ее въ то время, когда Наденька гостила въ городѣ у Кустодіевской... Славомірскій объявляетъ, что его дочь выйдетъ за того, кого полюбитъ и что безъ любви не можетъ быть супружескаго счастья... Разговоръ прерывается приходомъ бѣдной помѣщицы Душкиной: она слезно проситъ генерала вступиться за нее. Новый становой взыскиваетъ съ нея долгъ, который она должна была заплатить уже нѣсколько лѣтъ назадъ, но который не платился благодаря послабленію стараго стаповаго. Душкина думала было поладить и съ новымъ, по это ей не удалось. Генералу хочется помочь горемычной старухѣ и онъ посылаетъ за становымъ, остановившемся въ его деревнѣ, а между тѣмъ хочетъ потолковать съ своею соседкой объ ея дѣлѣ, и уводитъ ее чтобы ненаскучить сестрѣ, не разъ уже выразившей досаду и нетерпѣніе. Кустодіевская

теперь свободно высказывает свои планы: ей нужно выдать племянницу за Голумбицкого, чтобы поправить свои разстроенные дела, и следовательно нужно употребить все силы, чтобы уговорить и отца и дочь. Затѣмъ на сценѣ является сама Наденька, садится за чай и въ разговорѣ съ своей теткой узнаетъ, что за нее сватается Голумбицкій. Она рѣшительно объявляетъ, что не пойдетъ за него, ссылаясь на слова отца, который далъ ей право выбирать жениха по сердцу. Но тетка увѣряетъ ее, что отцу ея хочется пристроить ее, тѣмъ больше что состояніе его весьма разстроено, что она своимъ отказомъ огорчитъ старика, и наконецъ своими убѣжденіями доводитъ бѣдную дѣвушку до слезъ. Въ тоже время изъ разговора она начинаетъ подозревать, что Наденька не равнодушна къ Фролову, тому молодому человѣку, который посѣщалъ ея городской домъ. Боясь видѣть въ немъ ожидаемаго становаго и не желая, чтобы они вновь встрѣтились, она уводитъ племянницу въ садъ. На сцену является Голумбицкій, пріѣхавшій свататься за Наденьку. Обрисовавъ себя въ небольшомъ монологѣ какъ человѣка, изъ ничего сдѣлавшагося богатымъ помещикомъ и особою съ вѣсомъ, онъ высказываетъ свои намѣренія жениться на хорошенькой Наденькѣ, чтобы въ обществѣ имѣть возможность опереться на чиновную родню. Затѣмъ онъ уходитъ въ садъ, завидѣвъ тамъ тетку съ племянницей, а на его мѣсто является становой приставъ, скромный молодой человѣкъ. Но какъ встрѣчаетъ его генералъ, котораго вы уже успѣли полюбить за его благородный гнѣвъ на всѣхъ безчестныхъ и безнравственныхъ людей? Встрѣча вышла самая нецеремонная! Становаго прямо въ глаза назвали взяточникомъ потому только что онъ становой, а когда молодой человѣкъ, увидя, что генералъ сѣлъ, послѣдовалъ его примѣру, то тутъ въ полномъ совершенствѣ выказалось негодованіе генерала. Такой поступокъ со стороны становаго показался генералу неслыханною дерзостью. Ваше мѣсто на порогѣ, кричитъ онъ въ ярости.. Незвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта сцена если бы въ комнату не вихрнула Наденька. Она узнаетъ Фролова, радостно бросается къ нему и приводитъ отца въ совершенное недоумѣніе. Какъ, его дочь, генеральская дочь, въ такомъ дружескомъ знакомствѣ со становымъ приставомъ? Наконецъ дѣло объясняется. Наденька напоминаетъ отцу о томъ милымъ молодомъ человѣкѣ, о которомъ она не разъ ему разсказывала. Генералу дѣлается очень неловко... онъ смягчается... даже безъ гнѣва позволяетъ молодому человѣку высказать себѣ горькую истину... и наконецъ оставляетъ его наединѣ со своею дочерью какъ старыхъ знакомыхъ, когда ему докладываютъ о Голумбицкомъ, который ожидаетъ его въ саду съ Кустодіевской... Послѣ взаимныхъ объясненій молодыхъ людей, объясненій, въ которыхъ выказалась бойкость со стороны хорошенькой Наденьки и робкая скромность со стороны становаго, сознавшаго свое положеніе въ генеральскомъ обществѣ, дѣло дошло до новыхъ признаній въ любви. Но въ то время, какъ Фроловъ цѣловалъ наденькину ручку, въ дверяхъ показалась Кустодіевская и разумѣется не стала потворствовать этимъ нѣжностямъ. Наденьку принудили удалиться,

а къ молодому человѣку обратились съ упреками, зачѣмъ онъ не просилъ ее, г-жу Кустодіевскую, устроить его карьеру. Но молодой человѣкъ холодно принимаетъ ея навязчивую услугу и съ колкимъ намекомъ раскланивается съ нею...

Не смотря на рѣшительный отказъ становаго занять дѣло вдовы Душкиной, генералу сталъ правиться молодой человѣкъ своимъ благороднымъ образомъ мыслей: по всемъ томъ онъ далеко не обрадовался, когда услышалъ откровенное признаніе своей дочери, что она любитъ Фролова, и когда это признаніе было еще подкрѣвлено просьбою выдать ее за него. Любитъ становаго пристава она, дочь генерала Славомірскаго! Эта идея до того показалась ему дикою и пелѣпою, что никакъ не могла вмѣститься въ его голову. Объявить, что дочь генерала Славомірскаго выходитъ замужъ! спросить: за кого? за становаго пристава!.. Генералъ рѣшительно растерялся... а между тѣмъ онъ же самъ внушилъ дочери благородную мысль, что нужно выбирать себѣ мужа по любви... онъ понимаетъ всю силу этого чувства... Наконецъ онъ самъ рѣшается поговорить съ Фроловымъ, убѣдить его бросить эту службу и выбрать другую... Изъ разговора ихъ оказывается, что молодой человѣкъ сынъ его искренняго друга, который даже помогъ ему увезти изъ родительскаго дома его покойную жену... Генералъ обрадовался такому открытію; но убѣжденія его оставить настоящую службу не подѣйствовали на молодого человѣка: онъ хочетъ собою показать примѣръ, что образованные люди для общей пользы не должны гнѣяться низшими мѣстами. Любовь явилась здѣсь сильнымъ искушеніемъ, но не одолѣла рѣшимости Фролова... Сильно понравился и генералу сынъ его покойнаго друга, но предрасудокъ взялъ верхъ: свадьба его дочери со становымъ не могла состояться. Молодой человѣкъ раскланялся. Между тѣмъ Кустодіевская все еще питалась надеждою устроить дѣло по своему—уговорить и брата и племянницу согласиться на бракъ съ Голумбицкимъ; но вдругъ дѣло приняло другой оборотъ. Шалаевъ узнаетъ въ Голумбицкомъ того господина, который просилъ съ него двѣ тысячи за извѣстное дѣло... Разумѣется, тутъ ему уже нѣтъ пощалады отъ генерала, который высказавъ ему все, что прилично сказать такимъ людямъ, предлагаетъ наконецъ удовлетвореніе за обиду... Голумбицкій, объявивъ что безъ удовлетворенія не можетъ оставить этого и будетъ жаловаться начальству, удаляется. За этимъ на сцену приходитъ Душкина и разсказываетъ, что становой заплатилъ за нее долгъ изъ своихъ собственныхъ денегъ, но просить ее не сказывать объ этомъ генералу Славомірскому. Такой секретъ приводитъ бѣдную вдову въ сомнѣніе, чисто ли это дѣло и не обманулъ ли становой чѣмъ-нибудь генерала. Славомірскій въ восторгѣ отъ поступка сына своего друга, даже сердится на Душкину за ея подозрѣніе, а просьбы дочери окупчательно побѣждаютъ его: онъ соглашается на свадьбу. Планы Кустодіевской совершенно разрушаются.

Вотъ главное содержаніе комедіи. Конечно въ этомъ разсказѣ мы выпустили нѣкоторыя подробности, которыя между прочимъ оживляютъ дѣйствіе. Не разбирая литературнаго достоинства и значенія комедіи, скажемъ, что въ сце-

пическомъ отношеніи она заслуживаетъ вниманія такъ же какъ и первая піеса г. Львова. Своимъ современнымъ интересомъ она привлекаетъ публику, дѣйствуетъ на ея правственную сторону, и вызывая громкіе аплодисменты показываетъ, что эта публика не хладнокровная къ общественнымъ интересамъ, не та, которая привыкла только гѣшиться пустыми водевилями. Не нужно доказывать какъ полезны и благотворны подобныя піесы, которыя во имя правды и пародной чести дѣйствуютъ на умъ, воображеніе и сердце людей: даютъ возможность облегчить душу радостью, что общественные пороки выводятся на общее поприще, что о нихъ можно говорить всеуслышаніе, а не шептать въ тихомолку... Въ эти минуты театръ получаетъ свое настоящее назначеніе... Мы знаемъ, что есть люди, которымъ все это не нравится, но кто же имъ повѣрить? Разумѣется, можно на театрѣ забавляться и одними пустѣйшими водевилями, даже можно прожить совершенно безъ театра (на иѣтъ и суда иѣтъ!) но отъ этого не погаснетъ въ массѣ та божественная искра правды, которая всегда тлѣетъ въ живомъ народѣ; театръ даетъ ей только возможность выказаться явно, а какая отъ этого польза каждый легко пойметъ самъ: гдѣ чувства не должны скрываться какъ контрабанда, тамъ не будутъ скрываться и дѣла.

Комедія г. Львова, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ въ отношеніи къ мысли и ея развитію, явленіе желанное на нашей сценѣ... намъ нужно больше и больше подобныхъ комедій. Отрадно видѣть, что самые артисты здѣсь сознаютъ свое истинное назначеніе, хорошо понимаютъ, какая связь между ними и публикой и какъ сильно они могутъ на нее дѣйствовать. Здѣсь они не только забавляютъ ея воображеніе, но и глубоко проникаютъ въ сердце: ихъ устами говоритъ лучшая часть народа, ихъ устами правда предъявляетъ свои права, ихъ искусство сливается съ нашею жизнью, и тѣмъ самымъ возвышается и въ нашихъ и въ ихъ собственныхъ глазахъ. Да, тутъ они дѣйствительно служатъ обществу тѣмъ, чѣмъ можетъ служить истинный артистъ-гражданинъ, а ихъ согласная одушевленная игра доказала, что они хорошо сознаютъ это. Г. Григорьевъ въ роли генерала, г. Максимовъ—становаго, г-жа Орлова—Кустодіевской, г-жа Линская—Душкиной, какъ опытные артисты сдѣлали все, что можно сдѣлать съ ихъ ролями, особенно г-жа Линская была такъ типична, такъ вѣрна русской природѣ и вмѣстѣ такъ ловко и искусно умѣла выказать комическую сторону своей роли, что едва ли можно желать лучшаго. Г. Максиму труднѣе всѣхъ было выработать свою роль, потому что она основана на дидактизмѣ, а не на комическихъ движеніяхъ; здѣсь нужно выразить молодого человѣка, который вполне сознаетъ высокое достоинство своихъ убѣжденій и поступковъ и въ то же время не щеголяетъ ими, не выдаетъ себя за героя. Г. Максимовъ прекрасно попялъ это и не увлекся замаячивыми поучительными тирадами, на которыхъ такъ легко возвышается голосъ съ цѣлью произвести эффектъ, на что очень падки многіе артисты. Сдѣлай этотъ. Максимовъ, и роль была бы испорчена. Намъ только показалось, что Фроловъ

слишкомъ хладнокровно отказывается отъ того счастья, которое предлагаютъ ему; безъ внутренней борьбы такой отказъ едва ли натураленъ для человѣка съ сердцемъ — убѣжденія убѣжденіями, но вѣдь и сердце имѣетъ свои права, особенно если съ ними не соединено никакого безчестнаго поступка—тогда борьба должна выказаться еще сильнѣе... Впрочемъ можетъ быть въ этомъ болѣе вина автора, чѣмъ артиста. Г-жа Ситкова З въ роли Паденьки была весьма мила. Ея игра изъ ученической мало-по-малу дѣлается артистическою и обпаруживаетъ въ артисткѣ замѣчательный талантъ, отъ котораго мы ожидаемъ многосторонняго развитія; для этого у нея столько счастливыхъ данныхъ, что грѣшно бы было пренебречь ими. Теперь насъ особенно прельщаютъ въ ней: ясный, гибкій и симпатичный голосъ сценическая свобода и развязность, иногда теплота чувства. Только въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы посоветуемъ прелестной артисткѣ не слишкомъ увлекаться эффектами и болѣе всего опасаться крайностей въ передачѣ чувствъ; искренность всегда самый лучшій эффектъ: излишнія слезы и излишній смѣхъ выражаютъ болѣе заученое чѣмъ сердечное чувство. Паденька въ лицѣ г-жи Ситковой З-й явилась намъ такимъ милымъ созданіемъ, что мы охотно ей прощаемъ нѣкоторыя подмѣченные недостатки. Самъ бенефициантъ г. Алексѣевъ въ роли Шалаева былъ очень мало на сценѣ, да и самая роль его весьма блѣдна. Шалаевъ нуженъ былъ только для развязки піесы, чтобы обличить Голумбицкаго. Что же касается до роли этого послѣдняго, то намъ кажется, что г. Каратыгинъ не совсѣмъ правъ, принявъ его за молодящагося щеголя, который думая прельстить своею столичностью изгибается какъ-то ужъ очень не ловко... Не такимъ долженъ представиться намъ сорокалѣтній Голумбицкій, сдѣлавшійся въ службѣ изъ ничего богатымъ помѣщикомъ.

Публика была весьма довольна и піесой и исполненіемъ, и единодушно вызвала какъ всѣхъ артистовъ такъ и автора.

Изъ другихъ бенефисныхъ піесъ стоитъ развѣ упомянуть о драмѣ «Боярское слово», Впрочемъ не новой, но доказывающей, что и старое, умно составленное, лучше поваго, написаннаго или передѣланнаго на скорую руку. Здѣсь мы хотимъ обратить вниманіе на игру г-жи Натаровой въ роли кружевницы Вареньки. Артистка не владѣетъ пока большими средствами, но ея старательная игра заслуживаетъ полной похвалы. Если бы она могла выработать гибкость своему голосу, она сдѣлала бы большой шагъ впередъ. Теперь ей много вредитъ монотонность; но въ ея игрѣ есть задумчивость, теплота. Г-жа Натарова не совсѣмъ еще привыкла къ сценѣ, но можно надѣяться, что современемъ она будетъ также нѣсколько развязнѣе и свободнѣе, на что необходимо ей обратить особенное вниманіе. Со своимъ стараніемъ она можетъ побѣдить свои недостатки и сдѣлаться замѣтною артисткою.

В. СТОЮНИНЪ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПОВОСТИ.

Оперетка Гризара на сценѣ Михайловскаго Театра.
— Музыкальное утро г-жи Леоновой. — Цыганка,
опера Балфа, исполненная учениками г. Ричи.

Французская наша труппа, довольствуясь комедіями и водевилями, изрѣдка драмами,—въ видѣ еще болѣе рѣдкаго исключенія допускаетъ въ свой репертуаръ и маленькія комическія оперы, въ легкомъ родѣ. Само по-себѣ этотъ родъ оперъ только не многими градусами музыкальнѣе водевиля, но имѣетъ свою занимательность. Слѣдуетъ сказать даже, что при немзыкальности Французовъ вообще, комическая опера, какъ переходъ отъ водевиля къ истинной оперѣ именно такая музыка, гдѣ французская національность выступаетъ всего характернѣе. Что такое всякая опера въ идеѣ своей—какъ не пѣсня въ лицахъ, драматизированная пѣсня? это понятіе столько же вѣрно сколько и понятіе опѣсенной, омузыкаленной драмы. Очень легко представить себѣ пѣсню, балладу на сюжетъ напимѣръ, Фрейшюца или Тангѣйзера—олицетвореніе этихъ музыкально-драматическихъ задачъ произвело на свѣтѣ превосходныя оперы. Элементъ эпическій и элементъ драматическій чрезвычайно родственны другъ другу и въ сказкахъ, преданіяхъ, пѣсняхъ народныхъ постоянно сливаются.

Французы, мало — музыкальный народъ, не имѣютъ ни своей эпической поэзіи, ни своихъ широко-народныхъ пѣсней; всякая серьезность въ пѣснѣ, всякій глубокой лиризмъ Французамъ мало доступенъ. Въ недавнее время они полюбили «Lieder» Франца Шуберта, по—только съ самой вышней стороны. Истинная поэзія, германски-лирическая поэзія Шубертовыхъ вдохновеній отъ французовъ ускользаетъ. Пасмысливая, сатирическая, шутливая сторона французскаго характера заставляетъ ихъ отличаться въ комедіи, а въ соединеніи съ кое-какою музыкальностью, до нѣкоторой степени граціозною, произвела Французскій куплетъ, le couplet, la chansonnette. Эти пѣсенки, чрезвычайно пріятныя французскому слуху, получили право гражданства и на театральнѣ сценѣ, въ водевилѣ; болѣе и болѣе допущеніе пѣсенокъ въ одну, въ два, въ три голоса, болѣе и болѣе слияніе ихъ съ комическою интригою произвело французскую комическую оперу (тогда какъ итальянская опера buffa, образовалась совсѣмъ подъ другимъ вліаніемъ и отличается отъ французской прежде всего:—непремѣнными *recitativo*мъ, parlando, на сухіе акорды басовъ оркестра, формою несуществующею у Французовъ.) Отъ комической пѣсенки ничего не слѣдуетъ требовать кромѣ легкаго комизма и легкой граціозности. Такъ и отъ истинно-французской комической оперы или оперетки. Въ нашъ вѣкъ и комическая опера у Французовъ разрослась широко, вышла изъ своихъ естественныхъ предѣловъ и, для эффекта, заняла значительную долю натянутости и напыщенности отъ чудовищной сестры своей, большой пятнактной оперы съ великолѣпнымъ спектаклемъ. На театрѣ «Комической оперы» въ послѣднее время явились произведенія съ громаднѣйшимъ оркестромъ, громомъ, трескомъ, съ двумя, тремя оркест-

рами, съ пушечными выстрѣлами, съ маршами и контр-маршами, съ эволюціями кавалеріи и артиллеріи на сценѣ и т. д. Восходъ «Сѣверной звѣзды» на горизонтѣ театра комической оперы въ Парижѣ довершилъ упадокъ вкуса и торжество неестественности въ направленіи.

«Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ»

Мелкія оперетки, особенно изъ быта французскихъ крестьянъ, оперетки безъ претензій, въ родѣ «les rendez vous bourgeois» отличнаго въ своемъ родѣ композита, Изуара, —и до сихъ поръ, привсеобщемъ оскудѣніи мелодически-музыкальнаго творчества удаются Французамъ отлично-хорошо.

Гризара, — который написалъ много произведеній въ этомъ родѣ—наша публика знаетъ съ очень-выгодной стороны по опереткѣ «Bonsoir, Mr Pantalon». Вышняя оперетка «Le chien du jardinier» не изъ сильныхъ произведеній, конечно. Однако два, три нумера очень-милы. Есть правда драматическая,—есть очень красивыя сочетанія въ голосахъ и даже, мѣстами, въ оркестрѣ.—Такая музыка безпрістрастному музыканту доставитъ искренняго наслажденія гораздо больше, нежели любая изъ *хвал. ленинскихъ* въ свое время; *серьезныхъ* оперъ итальянскаго репертуара, *скучные* которыхъ развѣ только что трагедіи псевдо-классиковъ. Исполняется оперетка, не смотря на непривычку нашей труппы въ операмъ — весьма-удовлетворительно. Особенно отличается г-жа Терпкъ. Ея голосокъ и умѣнье пріятно владѣть имъ въ соединеніи съ красотою этой артистки (что для многихъ ролей никакъ не лишнее) заставляютъ насъ только жалѣть затѣмъ не чаще мы имѣемъ возможность слушагъ французскія оперетки.

У г. Поля-Бондуа очень-педурпой голосъ.

Про г. Бертонъ можно сказать, что нѣкоторый недостатокъ вокальныхъ средствъ, онъ ловко дополняетъ и замѣняетъ достоинствами драматическими.

По случаю его роли въ этой опереткѣ одинъ изъ нашихъ музыкальныхъ судей въ безъяменныхъ фельетонахъ выразилъ сожалѣніе, зачѣмъ г. Бертонъ взятъ участвовать въ ЛИРИЧЕСКОЙ оперѣ. Почему оперетка Гризара получила названіе лирической (!!), извѣстно кромѣ Аллаха, только автору того фельетона. Удивительно какъ въ нашихъ журналахъ толкуютъ о музыкѣ! Если-бы нарочно заказать, на премію, въ приговорахъ по этимъ дѣламъ надѣлать *какъ можно болѣе* промаховъ всякаго рода, эстетическихъ и техническихъ, крупныхъ и мелкихъ, обидныхъ для подслушиваемыхъ или невыгодныхъ только для самаго судьи, то врядъ ли бы въ этомъ могла выійти какая нибудь разица противъ вышшняго «status quo.»

Въ воскресенье намъ случилось быть на музыкальномъ утрѣ—устроенномъ г-жею Леоновою, передъ отъѣздомъ ея за границу. Тамъ принимали участіе многіе изъ нашихъ музыкантовъ непрофессіонистовъ, и во главѣ ихъ—А. С. Даргомыжскій. Онъ аккомпанировалъ г-жѣ Леоновой арію княгини изъ своей «Русалки». Жалѣемъ, что мы долго были лишены удовольствія слушать эту отличную оперу на сценѣ?

Г-жа Леонова пѣла кромѣ того съ большимъ успѣхомъ

«Маргариту» Глинки,—его же «сомнѣнье» (съ арфой и со скрипкой—гг. Цабель и Пиккель) также очень-милой романсъ барона Фитингофа «Обойми, поцалуй» очень граціозную колыбельную пѣсенку Князя Вяземскаго и пѣсенку А. С. Даргомыжскаго «У него-ли русы кудри»—которая гдѣбы ни была процѣта г-жею Леоновою, всегда вызываетъ горячіе аплодисменты и непремѣнное «повторенье». И пѣсенка и пѣвица вполне этого заслуживаютъ, какъ у насъ уже объ этомъ и было говорено. Участвовали въ концертѣ еще г-жа Ингеборгъ Шгаркъ очень-мило исполнявшая вещицу Шопена,—и г-жа Бурде пропѣвшая арію изъ Пуританъ и очень трудныя вокализы на тему «Ah vous dirai-je mamam».

Въ субботу 3 го мая, была въ Большомъ Театрѣ генеральная репетиція для приглашенныхъ слушателей, а во вторникъ, 6-го мая, шло публичное первое представленіе оперы Бальфа *Цыганка*, исполненной новобранною труппою изъ учениковъ и ученицъ г. Ричи и хорами русской оперной труппы.

Выборъ г. Ричи палъ на оперу г. Бальфа, вѣроятно потому, что это произведеніе пользуется въ Европѣ извѣстностью уже около 15 лѣтъ, а нашей публикѣ, кромѣ небольшихъ отрывковъ было вовсе не знакомо и слѣдовательно составляло занимательную новость, удаляя между тѣмъ всякое сравненіе съ избитымъ репертуаромъ итальянскихъ пѣвцовъ.

Съ этой стороны, а также съ той, что музыка Бальфа написана въ обще-доступномъ и для большинства—приятномъ вкусѣ, г. Ричи выбралъ оперу удачно. Судя съ болѣе-строгой точки можно сказать, что эта опера лишена какой-бы то ни было оригинальности. На каждомъ шагу напомнимъ всѣхъ возможныхъ любимыхъ мотивовъ—то изъ Лучи, то изъ Анны Болены, то изъ Пуританъ, то изъ Вильгельма Телля, то изъ Фрейшюца и даже изъ Дон-Жуана.

Постоянные плоскіе «итальянизмы» дѣлаютъ эту музыку приторной а оркестровка во всѣхъ мѣстахъ «forte» пересиливаетъ шумливость даже самаго Верди. При томъ съ Верди—не смотря на небольшую нашу симпатію къ его твореніямъ—Бальфа и сравнивать нельзя. Въ «своеобразности» автору Риголетто не могутъ отказать даже злѣйшіе враги его, да и вообще талантъ Верди передъ талантомъ автора «Цыганки»—колоссаленъ.

Есть впрочемъ въ оперѣ Бальфа нумера довольно-удачные, которые доставятъ неслишкомъ взыскательнымъ любителямъ большое удовольствіе и, съ этою цѣлію, вѣроятно вскорѣ будутъ приложены къ нашему журналу.

Въ числѣ такихъ нумеровъ:—первый дуэтъ мнимой цыганки, Арлины и тенора Гвальтерго, (во 2-мъ дѣйствіи) веселая пѣсенка цыганки съ акомпаниментомъ хора,—(тамъ же) каватина баса, графа Альбано (въ томъ же дѣйствіи) и романсъ тенора (въ концѣ послѣдняго акта). Эффектны также заключительная арія Арлины (tempo di walsa) и вставленная во 2-е дѣйствіе Тарантелла (chœurs dans:) г. Луиджи Ричи (брата здѣшняго капельмейстера). Танцевальными

мотивами опера особенно богата; матеріалу будетъ довольно на два или на три кадрили. Незнаемъ почему не была исполняема увертюра оперы. Ее играли часто даже въ нашихъ садовыхъ оркестрахъ.

Въ подробности отчета о музыкѣ не вдаемся, потому что сама опера не такого свойства, а сценическаго содержанія не рассказываемъ, потому что читатели нашего Вѣстника получаютъ вскорѣ либретто «Цыганки», въ переводѣ г. Куликова, а между тѣмъ нельзя не призадуматься, отчего и въ какую именно эпоху въ Шотландіи были въ модѣ итальянскія имена: Альбано, Гвальтерго, Фалько и т. д.?

За симъ обращаемся къ тому, что на нынѣшній разъ особенно-занимательно, къ исполненію оперы.

Оно, вообще говоря, очень удалось. Въ первое же представленіе оцера шла гладко, дала большой сборъ и вызвала многія и многія рукоплесканія.

Пальма главнаго успѣха принадлежитъ дебютанткѣ-примадоннѣ: г-жѣ Кохъ. Поздравляемъ русскую оперу съ такимъ прелестнымъ приобрѣтеніемъ!

Молодой, свѣжей, симпатическій голосъ довольно высокаго регистра и весьма-гибкій, столькоже симпатическая, самая выгодная для сцены наружность, замѣтная способность къ одушевленной драматической игрѣ—всѣ условія для истинной примадонны! Въ манерѣ пѣнія есть еще довольно недостатковъ, неопытность сценическая мелькаетъ въ неумѣстныхъ придыханіяхъ (въ исполненіи постоянно слышенъ звукъ «h... h—»), и частенько-не-совсѣмъ въ вѣрпой интонаціи, но это все, безъ сомнѣнія, очень скоро исправится. Нельзя не удивляться при первомъ дебютѣ г-жи Кохъ, развязности ея на сценѣ и успѣшному преодолѣнію съ перваго раза такой огромной роли. Къ концу послѣдняго дѣйствія въ молодой пѣвицѣ было замѣтно утомленіе, но все-таки заключительный вальсъ она пропѣла и довольно сильно, и съ увлеченіемъ. Надобно желать во первыхъ: чтобъ г-жа Кохъ поэкономничала своими средствами особенно на первыхъ порахъ. (Къ счастью теперь лѣто и она не будетъ имѣть случая часто являться на сценѣ, по надобно, чтобъ и осенью и зимою—она себя поберегла.) Во вторыхъ, чтобъ она съ первыхъ-же дебютовъ пришла къ убѣжденію, что ей будутъ особенно-выгодны роли граціозно-кокетливыя: Церлина въ Донъ-Жуанѣ, Церлина въ Фра-Діаволо, Адина въ Любовномъ напитокѣ, быть можетъ и пѣжно-драматическія какъ Соппамбула, Лиди и т. д. по никакъ не величественно патетическія, какъ Донна Анна, Норма, Анна Болена. Къ большой силѣ и страстности она и принуждать себя не должна, тѣмъ менѣе въ началѣ поприща, которое открылось для нея такъ блистательно. Молодой теноръ, пансіонеръ Васильевъ 2. (опять Васильевъ!) обладаетъ весьма-хорошенькимъ голосомъ и свою партію (Гвальтерго) теперь уже поетъ весьма симпатично. Есть что-то общее съ Кальцолари, ни сколько этому сходству не мѣшаетъ юпошеская свѣжесть нашего дебютанта,—есть также что-то общее и съ приятнымъ теноромъ г. А. Беттини. Жаль будетъ, если чрезмѣрное форсированіе погубитъ этотъ голосокъ въ его расцвѣтѣ. Для драматическаго исполненія роли г. Васильеву 2.

препятствует его крайняя юность, но «эта помѣха» такъ быстро сама собою исправляется!

Другой молодой теппоръ, г. Дюжиковъ (Федерико, племянникъ графа Альбано) тоже съ надеждами, но голосъ его намъ показался не довольно благодарнымъ. Для вторыхъ ролей онъ будетъ очень полезенъ. Г. Мео, извѣстный уже нашей публикѣ по участию во многихъ концертахъ и по сценѣ изъ Марино—Фалиеро, въ партіи цыганскаго атамана, Фалько, выступилъ очень-рельефно и прекраснымъ голосомъ своимъ (хотя не груднымъ, а «горловымъ») также развязностью въ игрѣ, вѣрностью характеру роли произвелъ большой эффектъ. Порядочно вредить ему одно:—борьба съ русскимъ произношеніемъ. Г. Мео долженъ много стараться о предолѣніи этой помѣхи.

Видѣніи и рѣзкія ухватки цыганскаго атамана удался г. Мео отлично-хорошо и произвели даже эффектъ, не смотря на частое появленіе подобныхъ ролей въ Преціозахъ, Хитаахъ, Пахитахъ, Газельдахъ и т. д. т. е. всюду гдѣ исторія идетъ о дѣвчкѣ высокаго происхожденія, украденной цыганами и воспитанной въ таборѣ.

Не большую, но значительную роль ревнивой и мстительной цыганки, Эльвы исполняетъ г-жа Фиданца. Голосъ ея слабавать и достоинствами не отличается, но спѣла она свою партію довольно-исправно, а очень пріятная наружность доставила этой артисткѣ даже нѣкоторый успѣхъ.

Г. Васильевъ старшій, любимый нашею публикою за нѣкоторыя свои партіи, и въ оперѣ «Цыганка» пѣлъ съ большимъ успѣхомъ. Эффектную казатину свою (къ портрету сгибнувшей дочери) во 2-мъ дѣйствіи, онъ исполнилъ очень хорошо, отличный голосъ его чрезвычайно-выгодно выступаетъ въ «canto spianato», а большая сцена съ Гвальтеро и съ Арлиною въ послѣднемъ дѣйствіи доказала, что нашъ молодой басъ не лишень способности быть актеромъ; ему доступна нѣкоторая степень патетичности въ обыкновенныхъ итальянскихъ формахъ.

Хоры шли, по обыкновенію прекрасно.

Г. капельмейстеръ Ричи весьма старательно разучивъ оперу съ своими учениками, столько-же старательно управлялъ оркестромъ, такъ что достигъ многихъ отличій, которыми насъ оркестры итальянской и русской оперы обыкновенно не очень-то балуютъ.

Что во многихъ мѣстахъ отчаянно-шумная оркестровка заглушала молодые голоса солистовъ, которые, напротивъ, надо щадить и щадить—въ этомъ вина не капельмейстера, а самого автора оперы.

Исполнители должны считать себя счастливыми, что имъ довелось испытать свои силы въ Большомъ Театрѣ, гдѣ резонансъ отличпо-хорошъ, а не въ Театрѣ-Циркѣ, который очень-милъ въ архитектурномъ отношеніи, но очень не выгоденъ въ акустическомъ.

Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, удачное, интересное исполненіе дѣлаетъ эту оперу спектаклемъ привлекательнымъ, и заставляетъ быть менѣе строгимъ къ слабой ея музыкѣ, которая, конечно, со многихъ сторонъ должна уступить даже Флотовскимъ операмъ.

А. СВРОВЪ.

БЕНЕФИСЪ Г-жи ПЕТИПА.

Бенефисъ г-жи Петипа (въ прошедшее воскресенье, на Большомъ театрѣ) составленъ былъ изъ балета: «Робертъ и Бертрамъ или два вора», 3-й картины балета «Фаустъ» и 2-о дѣйствія балета «Газельда», обо всемъ этомъ было уже говорено въ Вѣстникѣ и намъ остается сказать нѣсколько словъ о бенефицианткѣ. Мы всегда принадлежали къ числу поклонниковъ таланта этой симпатичной и необыкновенно граціозной танцовщицы, отличающейся преимущественно въ характерныхъ танцахъ, въ бенефисъ свой она доказала, что сдѣлала замѣчательные успѣхи и въ отношеніи технической части хореграфическаго искусства. Г-жа Петипа пріобрѣла больше силы и ловкости въ ногахъ, это мы въ особенности могли замѣтить въ знаменитомъ «la Cosmopolitana», въ которомъ милая артистка явилась послѣ любимицы нашей публики Надежды Богдановой. Какъ извѣстно «la Cosmopolitana» cheval de bataille г-жи Богдановой и явиться послѣ нея, въ то время, когда впечатлѣніе произведенное ею на многочисленныхъ ея поклонниковъ еще такъ свѣжо—задача весьма трудная. Огромный успѣхъ г-жи Петипа дѣлаетъ ей тѣмъ больше чести. Исполненіемъ увлекательнаго па «La Britannia» она вызвала громкія рукоплесканія, па это переполнено техническихъ трудностей, которыя милая артистка побѣдила съ замѣчательною легкостію, хотя и не скажемъ, чтобы она уже и теперь достигла совершенства въ отношеніи техники—въ исполненіи не доставало еще той увѣренности, того оживленія, той быстроты въ темпѣ, которыми отличалась ея предшественница, но въ короткое время г-жа Петипа сдѣлала важный шагъ впередъ и общаетъ еще больше въ будущемъ. Она какъ мы сказали во всѣхъ своихъ движеніяхъ необыкновенно граціозна и въ особенности симпатична—качество, которымъ обладаютъ весьма часто даже самыя знаменитыя танцовщицы. Не удивительно, что публика наша любитъ ее и что въ бенефисъ свой она была предметомъ самыхъ восторженныхъ овацій. Не будемъ распространяться о прочихъ подробностяхъ бенефиса, довольно сказать, что въ немъ кромѣ бенефициантки участвовали г-жи Прихунова, Амосова 2, Радина, Кошева и др. Гг. Югансонъ, Петипа, Кшесинскій, Стуколкинъ, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что все шло прекрасно. Между прочимъ мы замѣтили трудное па, (въ 3 картинѣ «Фауста») весьма удачно исполненное г-жею Кошевою и г-мъ Легатомъ; г-жа Кошева постоянно дѣлаетъ успѣхи; она граціозна и танцуетъ легко, ловко и съ одушевленіемъ, мы совѣтовали бы только милой артисткѣ обратить по-больше вниманія на адажію, въ которомъ она намъ кажется нѣсколько холодною, тутъ въ лицѣ ея не достаетъ выраженія, позы недовольно пластичны; между тѣмъ адажію—основаніе, одно изъ главнѣйшихъ задачъ хореграфическаго искусства, въ немъ заключается вся поэзія, вся прелесть танца. Побѣжденіе техническихъ трудностей изумляетъ, поражаетъ зрителя; исполненное съ вдохновеніемъ, со смысломъ адажію приводитъ его въ восторгъ. Такъ во всѣхъ искусствахъ, напр. въ музыкѣ: пѣвица ис-

полюющая съ неимоверною легкостію труднѣйшія рулады, поражаетъ, но если она въ состояніи передать намъ съ чувствомъ, съ душою «Cantabile», она безъ всякаго сомнѣнія трогаетъ насъ. Мы рѣшились высказать г-жѣ Кошевой мнѣніе наше откровенно, потому что замѣтили въ ней вѣрный талантъ и любовь къ искусству, а съ любовью къ искусству чего нельзя сдѣлать? — Но довольно о театрѣ, время стоитъ прекрасное, такъ и вызываетъ за городъ, вы сѣдите мои читатели, подышать свѣжимъ воздухомъ и я тоже. Любимецъ вашъ Юганъ Страусъ уже здѣсь, уже слышатся звуки его увлекательныхъ вальсовъ, полкъ и проч. На Минеральныхъ водахъ другой любимецъ Иванъ Гунгль, тоже начинаетъ сегодня свои музыкальные вечера;—поѣзжайте, наслаждайтесь, а я пока отдохну.

М. РАППАПОРТЪ.

ВЫСТАВКА

Въ Императорской Академіи Художествъ.

(Окопчаніе).

Въ залѣ большой Библіотеки помѣщены работы по гравированью и по медальерному искусству. Это интересно только для специалистовъ. По части живописи въ этой залѣ есть «икона» Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, (№ 50) произведенія г. Васильева, въ стилѣ византійской иконописи, на золотомъ фонѣ, отличное въ своемъ родѣ и доставившее художнику званіе академика.

Два акварельные рисунка г. Зичи № 71, спящая рысь и № 72, спящій волкъ, превосходны. Художникъ признанъ академикомъ.

Изъ акварельныхъ работъ, въ залѣ малой библіотеки, замѣчательны чрезвычайнымъ сходствомъ и живостью, портреты барона и баронессы Штиглицъ, художника Хенниша.

Въ слѣдующемъ залѣ много особенно замѣчательнаго по части живописи пейзажной и портретной, но для отчета является большая трудность. Въ читателѣ падобно непременно предположить знакомство съ самыми картинами, о которыхъ пойдетъ рѣчь; перечень сюжетовъ, здѣсь превращается въ пустую номенклатуру, которая не даетъ ни малѣйшаго понятія о картинахъ, какъ фамилія лица нисколько не рисуется его физиономію.

Превосходенъ пейзажъ г. Бочарова (№ 103) удостоенный первой золотой медали, «видъ горы Аіи Петри, на южномъ берегу Крыма, близъ Алупки». Могу засвидѣтельствовать, что съ «подлиннымъ вѣрно». Много поэзии, потому что поэтическая, крайне-живописная натура мастерски пересказана кистью. Но гораздо, несравненно превосходитъ пейзажъ г. барона Клодта, также удостоенный первой золотой медали: (№ 110) «Видъ близъ г. Риги, въ окрестностяхъ Зегевольда.»

Словами такого совершенства пейзажной живописи, конечно не передать. Можно только искренно пожалѣть о тѣхъ любителяхъ искусства, которымъ не удалось любоваться этою картиною, и еще болѣе пожалѣть о тѣхъ, которымъ эта картина почему-нибудь могла не понравиться. Въ пейзажѣ г. Бочарова, южно-крымская природа сама за себя говорить, и говорить очень краснорѣчиво; въ пейзажѣ г. Клодта природа, напротивъ, простенькая, бѣдненькая, въ родѣ нашей, шиммерландской. Если рассказывать подробности ландшафта, то и рассказать нечего. Большое дерево, большой сарай крытый полу-сгнившей соломой, на первомъ планѣ—лугъ съ мелкой травой, устланный камнями и хворостомъ, на дальнемъ планѣ—въ тѣни большого дерева двѣ, три коровки, вдали за деревомъ голубая ленточка рѣки, за рѣкою песчаный бережокъ, пригорки покрытые лѣсомъ; вотъ и все. Но извѣстное дѣло, что въ искусствахъ «какъ» играетъ болѣе важную роль нежели «что».

На этотъ очень простой пейзажъ нельзя вдоволь насмотрѣться. Это не картина, а сама природа. Этимъ воздухомъ мы дышимъ, это дерево шелеститъ листьями, и тѣнь отъ нихъ перебѣгаетъ по песку и по муравѣ, эти коровы щиплютъ траву, движутся, этотъ хворостъ, эти камни можно руками взять. Иллюзія оптическая и въ стереоскопѣ не можетъ идти дальше.

Уже въ чудесныхъ пейзажахъ Калама чувствуется нѣчто новое противъ всѣхъ существующихъ ландшафтныхъ картинъ, чувствуется какой-то новый шагъ въ искусствѣ; въ картинѣ барона Клодта, по крайней мѣрѣ на мой личный взглядъ, есть какъ будто новое еще противъ Калама. Въ швейцарскомъ художникѣ его собственная душа, очень поэтическая, безъ сомнѣнія, проглядываетъ изъ-за пейзажа, проникаетъ его лиризмомъ, становится посредникомъ между зрителемъ и природою. Въ Клодтовой картинѣ нельзя чувствовать живописца. Его будто нѣтъ, онъ даетъ намъ—саму природу.

Профессіонисты находятъ и въ этомъ пейзажѣ мѣстечки для упрековъ; находятъ, напримѣръ, что можно-бы укоротить картину немножко снизу, что первый планъ ея не особенно интересенъ, между тѣмъ крупенъ и чрезвычайно окончательностью отдѣлки утомляетъ и развлекаетъ вниманіе. Можетъ быть профессіонисты и правы, а опять можетъ быть, что и самъ художникъ отвѣтилъ-бы имъ такъ: «безъ этой особенности въ перспективѣ, въ выборѣ точки разстоянія нельзя достигнуть желаемого мною эффекта для дальнѣйшихъ плановъ картины».

Все дѣло въ мажическомъ впечатлѣніи картины. Какъ художникъ достигнулъ этого очарованія? — пусть будетъ это его тайною.

Чтобы не придать слишкомъ большаго размѣровъ отчету, который въ нашемъ журналѣ занимаетъ только эпизодическое мѣсто, объ остальномъ хотя-бы и очень замѣчательномъ приходится сказать только вскользь.

Слѣдуя порядку залъ (и указателя) отмѣтимъ какъ весьма удачные пейзажи: (№ 125) видъ въ окрестностяхъ Бобруйска, г. Горавскаго 2-го, и (№ 127) видъ въ Кунцовѣ, близъ Москвы. Прибавимъ только, что по нашему личному

убѣжденію, пи эти, пи всѣ слѣдующія пейзажи, (не исключая въ своемъ родѣ превосходныхъ работъ Мордвинова, Боголюбова, Лагоріо и Айвазовскаго) и въ сравненіе пе должны идти съ простенькою картиною барона Клодта.

По живости колорита и чрезвычайной естественности выраженія замѣчательны (№ 145). «Дѣвушка продающая ягоды» г. Полякова, и № 146, разнощикъ фруктовъ, г. Якоби (оба ученики г. Бруни).

Маленькая картина г. Перова (ученика Московскаго училища живописи и ваянія) «Пріѣздъ становаго на слѣдствіе» (№ 147) исполнена отчетливо и очень удачно—по.... сюжетъ! бѣдный молодой наречъ со связанными веревкою руками, передъ испытующимъ взоромъ становаго и писаря; тутъ сотскій, еще баба какая-то.

Въ искусствѣ дорого не «что», и «какъ» это аксіома, однако надобно же оставить хоть маленькую долю поэзіи и въ самомъ выборѣ сюжетовъ. И Теньеръ, и Фанъ-Остадъ никогда ее не изгоняли *вовсе* изъ своихъ грязноватыхъ по содержанию картинъ. Тамъ было добродушіе, была веселость, элементы весьма поэтическіе. Когда же, какъ въ *реально*мъ направленіи литературы нашей—поэзія въ рѣшительномъ недочетѣ, рѣшительно исчезаетъ за дагеротипностью, это—протестъ, польза, мѣра благочинія, это—бичеваніе, врачеваніе, какъ угодно—только ужъ не искусство; а съ дальнѣйшимъ преусиленіемъ такой тяжелой анти-поэтичности, академіи, музеи, театры и концертныя залы пришлось бы закрыть, какъ зданія «неподходящія», бесполезныя.

Очень хороша головка «читающей дѣвухи» (№ 154) г. художника В. Заряико.

Прелестны работы г-жи Хагенъ-Шварцъ (призанпой академикомъ) № 157, портретъ дамы, № 158, Неаполитанка, № 159, Итальянка, и особенно № 160, дѣвушка со свѣчою. Огненный свѣтъ па лицѣ дѣвухи выполненъ съ поразительнымъ мастерствомъ.

Очень граціозная, поэтическая картина: Жница, г-жи Ваксель (№ 166). Превосходенъ портретъ г-жи фонъ-Остенъ художника Лаурерта. (№ 169).

Работы г. Академика Тютрюмова (№ 170—174) безъ сомнѣнія, изъ лучшихъ портретовъ на всей выставкѣ. Вездѣ правда и отличное мастерство.

О пейзажахъ гг. Чернецовыхъ (№ 180—183), упомянемъ какъ объ очень замѣчательныхъ—съ отрицательной стороны. То ли не пейзажисгы, у которыхъ небо и земля, Волга и Тиверіадское озеро, Саратовъ и Капернаумъ писаны одинаковымъ, блѣдо-сѣро-фіолетовымъ тономъ? — Между тѣмъ имя «Чернецовыхъ» весьма-извѣстно, въ области ландшафтной живописи. Въ чемъ же тайна иныхъ артистическихъ репутаций?

Взамѣнъ этихъ грѣховъ бездарности противъ искусства, съ положительно-хорошей стороны примѣчательны: три вида изъ окрестностей Москвы, г. Бодри №№ 184, 185, 186), два вида въ окрестностяхъ Женевы, г. академика Эрасси. (№№ 188, 189), видъ въ Кунцовѣ, близъ Москвы, г. Яновскаго (№ 190).

Пейзажъ г. Шумльмана, островъ Наргипъ, близъ Ревеля, прекрасенъ въ своемъ родѣ и какъ-то напоминаетъ стиль

старинныхъ пейзажей, напримѣръ Гакерта, отчасти Жозефа Вернѣ.

Работы г. землаго общника, графа Мордвинова отличаются особенною оригинальностью выбора сюжетовъ, точекъ зрѣнія. «Зима»,—почтовая станція на большой дорогѣ», (№ 194)—ландшафтъ до крайности плоскій, какъ очень много «русскіе» виды, надъ свѣжною гладью туманное небо, съ котораго опять сыплеть снѣгъ—дѣйствующіе въ картинѣ: ямщикъ, почтовые лошади; но присмотритесь пристальнѣе и васъ заинтересуетъ эта картина. Нагурь въ ней много и чѣмъ больше будете глядѣть, тѣмъ больше будете открывать въ ней достоинствъ.

Такой же почти-прозаическій (но не «бичующій») сюжетъ—«Ледоколы на Невѣ» (№ 196). Прозрачные отлѣпки льда, лошади и мужики схвачены съ большимъ мастерствомъ.

Очень-хороши и итальянскіе виды того же художника (№№ 195, 195, 197, 198).

Накопецъ и артистическая шалость его, холстъ, палитра, барельефъ и пр. (№ 199) въ своемъ родѣ прекрасна—потому-что *воплн* достигаетъ своей цѣли: обмануть зрѣніе (Этотъ родъ живописи такъ и прозванъ Французами: «des trompe-oeuil»).

Отлично-хороши всѣ пейзажи г. Боголюбова (№ 203 — 207).—

У него если Константинополь, то въ самомъ дѣлѣ Константинополь, если Римъ, то Римъ, если Неаполь, то Неаполь. И въ выборѣ мѣстностей, и въ исполненіи много поэтическаго чувства. Это не Чернецовы!

Въ той же залѣ (4-й) примѣчательны: прелестная головка Венеціанки-водоноски (въ мужской шляпѣ), г. Мореншильда (№ 2 208); очень оригинальная картина г. Сверчкова «Мятедь»—(№ 216). Этотъ художникъ мастеръ писать коней, что доказалъ и въ портретѣ кровной лошади (№ 217).

Въ послѣдней, брюловской залѣ г. академикъ Швабе. выставилъ славные портреты собакъ и цѣлаго табуна лошадей, принадлежащихъ особамъ Императорской фамилии.. Эти замѣчательныя картины и двѣ акварели Зичи служатъ у насъ единственными представителями «портретъ животныхъ» рода живописи, чрезвычайно разрабатываемаго въ Англии и Франціи Пейзажная живопись, какъ вы успѣли замѣтить, у насъ особенно процвѣтаетъ. Кромѣ всего указаннаго и кромѣ чудеснѣйшаго пейзажа иностраннаго художника Калама (№ 228. Видъ озера четырехъ кантоновъ) есть въ послѣдней залѣ превосходныя работы русскихъ пейзажистовъ.

Г. Пенсіонеръ Лагоріо выставилъ восхитительный видъ озера Альбано, близъ Рима (№ 228). Эта дорога на берегу, подъ сводомъ густой, но прозрачной зелени, эта поэзія наносной гѣни—отъ фигуръ оживляющихъ сцену; наконецъ, или прежде всего: общій эффектъ картины, оставляютъ глубокое впечатлѣніе. Г. Лагоріо, безъ всякаго сомнѣнія, художникъ чрезвычайно-замѣчательный и дѣлающій честь русскому искусству. Не лучше его, въ своемъ родѣ пачи, наль и г. профессоръ Айвазовскій, котораго имя много лѣтъ уже гремитъ въ артистическомъ мірѣ.

На нынѣшней выставкѣ опъ заставляеть еще и еще взумиться плодовитости своего необыкновеннаго таланта. Опъ выставилъ—бездѣлица! 10 картинъ (№№ 235—244) и каждая оригинально-задумана и мастерски-выполнена. О картинѣ въ память погибшаго корабля «Лефортъ»—умолчимъ; она, конечно, фантастически-оригинальна, по вѣдъ не всякая же фантазія должна имѣть мѣсто въ искусствѣ.

Пейзажи г. Айвазовскаго—прелестны и невольно спрашиваешь себя: когда это опъ успѣлъ такъ овладѣть *сушей*, какъ прежде владѣлъ только *волнами* морскими?

Характерность его пейзажей, въ выборѣ точекъ, въ группировкѣ фигуръ и особенно въ выборѣ освѣщенія такъ «наглядна», что всѣмъ бросается въ глаза. Тѣ изъ зрителей, которые *видѣли* Италію, Кавказъ, Крымъ, Малороссію засвидѣтельствуютъ, что не смотря на странность нѣкоторыхъ эффектовъ, натура передана вездѣ столько же *вѣрно* какъ и чудесная зима въ Тулѣ (№ 335); для тѣхъ же, кто незнакомъ съ этими мѣстностями, на Петербургъ и на Москву непохожими, съ этимъ небомъ, не зелено-блѣднымъ, какъ наше, многое непременно покажется преувеличеннымъ, неестественнымъ (напримѣръ, огненно-розовыя овцы на картинѣ: пастбище въ окрестностяхъ Теодосіи, № 243).

Лучшая изъ этихъ картинъ, на мой вкусъ: перевозка крымскаго вина по кавказкой дорогѣ. Тутъ много красоты и правды. Но вообще, яркая *радужность* колорита, къ которой г. Айвазовскій такъ пристрастенъ; сильная, черезъ чуръ сильная эффектность его картинъ ни сродни ли ядамъ, княжаламъ, тюрьмамъ и разбойникамъ на театральномъ сценѣ?

Смѣлость помѣщать въ картинѣ «дивное свѣтило», лицомъ къ лицу (какъ часто дѣлаетъ г. Айвазовскій) никогда *не можетъ* увѣличаться успѣхомъ. Свѣтъ — всё-таки не «свѣтъ». При самой необыкновенной яркости палитры солнце на положивъ—всегда остается не солнцемъ, а круглымъ пятномъ блѣло-желтой краски.

Для чего же такъ рисковать? Не лучше ли свѣтотазную точку скрыть отъ глазъ зрителя, — заслонить ее другимъ предметомъ, сохранивъ въ картинѣ до малѣйшихъ подробностей всѣ отбѣжки освѣщенія. «Дѣвочка со свѣчей», г-жа Хаченъ-Шварцъ не выигрываетъ ли въ эффектъ оттого, что самаго «огня» свѣчи не видно? Для чего также выбирать въ картину такіе эффекты освѣщенія, которые не иначе могутъ встрѣтиться въ природѣ какъ случаи рѣдкіе, исключительные? Глазъ зрителя вѣрно судить только о томъ, къ чему нѣсколько-приготовленъ уже видѣннымъ.

Умѣренность, сдержанность эффекта, мудрая простота въ мысли и выполненіи не гораздо ли выше рѣзкой мелодраматичности? Но и то сказать, что эта мелодраматичность должна имѣть бездну поклонниковъ, какъ музыка Верди.

Одно изъ украшеній выставки отличный, идеальпо-изящный бюстъ блаженной памяти Императора Николая I, взвѣшенный г. Вице-президентомъ Академіи, графомъ О. П. Толстымъ; но мы общались не говорить о скульптурѣ.

Перечисливъ все, что по моему убѣжденію особенно замѣчательно, и свѣдя общіе итоги, я папомню еще разъ

какъ несправедливы тѣ отзывы о нынѣшней выставкѣ которые провозгласили ее вообще мало-удачною, мало занимательною. Подумаешь, что въ нашей публикѣ вкусъ слишкомъ разборчивъ! Ничуть! Все дѣло въ томъ, что каждый изъ судящихъ устно и печатно желаетъ «выказаться знатокомъ», — а кто не знаетъ, что для такой уловки гораздо выгоднѣе «немножко позонльствовать». Передъ «знающими»—меньше риску провиниться въ неумѣстныхъ похвалахъ тому, что ихъ не стоитъ; передъ незнающими—только заны и торжествуютъ. Вотъ, говорятъ, какъ отдѣлалъ! на-право и на-лѣво! То-то любо! — Какъ не пожалѣть, что у насъ по части искусствъ почти вовсе нѣтъ печатныхъ органовъ, гдѣ разборы были бы поручены специалистамъ, такъ, чтобы каждое ихъ слово могло быть на-счету. При плачевномъ нынѣшнемъ состояніи русской художественной критики—съ кого прикажете спрашивать?

А. СВРОВОЙ.

КРАМЕРЪ.

(Некрологъ).

Недавно угасла, еще одна музыкальная знаменитость достойно подвизавшаяся на своемъ поприщѣ въ продолженіи двухъ столѣтій. Жанъ-Батистъ Крамеръ, авторъ фортепیانной школы, родился въ Мангеймѣ, въ 1771 году. Въ самой ранней молодости опъ посѣдовалъ въ Англію за своимъ отцомъ, Вильгельмомъ Крамеромъ, превосходнымъ скрипачемъ назначеннымъ королемъ распорядителемъ придворныхъ концертовъ и канцелямейстеромъ въ оперѣ. Пѣмецъ по рожденію опъ сдѣлался англичаниномъ по воспитанію и даже почти забылъ свой родной языкъ. Вильгельмъ Крамеръ хотѣлъ непременно, чтобы сынъ его игралъ на скрипкѣ, но мальчикъ предпочиталъ фортепیانу и упражнялся на этомъ инструментѣ съ необыкновеннымъ усердіемъ. Отецъ долженъ былъ покориться. Первые учителя мальчика были Бенсеръ, Шретеръ и наконецъ Клементи уроками котораго однако опъ пользовался не болѣе года. Въ 1784 г. Клементи уѣхалъ изъ Англіи; но молодой Крамеръ успѣлъ войти въ слѣдующемъ году въ короткія сношенія съ великими композиторами Генделемъ и Себастьяномъ Бахомъ. Съ 13-ти лѣтняго возраста опъ могъ уже назваться виртуозомъ, игралъ въ публичныхъ концертахъ и возбудилъ общее удивленіе блескомъ и изящной отчетливостію своей игры. Жанъ-Крамеръ изучалъ теорію своего искусства съ Шарлемъ-Фредерикомъ Аделемъ. Семнадцати лѣтъ молодой артистъ пустился путешествовать и давалъ концерты въ главныхъ городахъ материка. 1791 году, по возвращеніи въ Англію Крамеръ сталъ давать уроки нафортепیانу, въ тоже время издалъ многія изъ своихъ сочатъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, опъ отправился въ Вѣну и свидѣлся съ Гайдномъ, съ которымъ былъ очень друженъ въ Лондонѣ; изъ Вѣны Крамеръ поѣхалъ въ Италію. По возвращеніи въ Англію, опъ женился и сталъ рѣже путешествовать, только предпринялъ поѣздки во Францію и Нидерланды. Въ послѣдній разъ опъ пріѣхалъ въ Парижъ въ 1842 году, остался тамъ два года и

открылъ вмѣстѣ съ Розенгеомъ курсъ фортепѣанной игры. Какъ пианистъ и профессоръ, какъ главный изобрѣтатель новой методы музыкальнаго преподаванія, которой нечего опасаться измѣненію вкуса или капризовъ моды, Крамеръ занималъ самое почетное мѣсто, котораго-бы могъ домогаться артистъ. Современникъ Клементи, Штейбеля, Фильда, Дусекка, Гуммеля, Фердинанда Риса, Калкбреннера и Мошеле-са, онъ могъ сравниться съ ними своимъ талантомъ, отличившимся величественною простотою. Всѣ слышавшіе его игру утверждаютъ, что Крамеръ особенно хорошо выполнялъ въ пѣсахъ адажіо и умѣлъ придать своей игрѣ всѣ должныя оттѣнки.

Какъ композиторъ, Крамеръ не могъ пользоваться такою же извѣстностью по безчисленному множеству своихъ произведеній. Онъ написалъ болѣе ста сонатъ, семь концертовъ, дуэты для 4-хъ рукъ, дуэты для фортепѣаннъ и арфы, квинтеты, кватуоры и множество мелкихъ пѣсней: вальсовъ, варіацій фантазій, но болѣе всего прославился своими знаменитыми классическими *этюдами*, которые считаются до сихъ поръ необходимыми для музыкальнаго образованія каждаго пианиста. *Этюды* Крамера останутся надолго въ памяти многихъ поколеній, подобно: *le Clavier bien tempéré*, Себастьяна Баха и *Gradus ad Parnassum* Клементи. Правда, нынче фортепѣаннисты не такъ слѣдно слѣдуютъ строгимъ правиламъ, которыя для Крамера были предметомъ поклоненія. Въ Парижѣ Крамеръ открывалъ курсъ ученія съ помощію молодого талантливаго сотрудника; главная цѣль его была противодѣйствовать изысканнымъ стремленіямъ нашей эпохи, подробно объяснивъ, что искусство играть на фортепѣанно не состоитъ только въ томъ, чтобъ ослѣплять глаза удивительною бѣглостью въ пальцахъ, изумлять и даже поражать слушателей смѣло преодолевая всевозможныя трудности въ пассажахъ. Правила его если и не вошли въ общее употребленіе; за то были хорошо поняты, но артисты всегда любили и любятъ всѣмъ жертвовать эффекту помимо полезныхъ совѣтовъ и теоретическихъ правилъ. Крамеръ прославился въ счастливую эпоху когда умѣли цѣнить истинный талантъ; въ эпоху, когда музыкантъ не долженъ былъ жертвовать совѣстью или разумомъ, чтобъ достигъ славы или богатства. Крамеръ безраздѣльно владычествовалъ въ музыкальномъ мірѣ Лондона: съ пріѣздомъ Калкбреннера между обоими артистами началось достойное состязаніе. Чтобы утѣшиться въ неожиданномъ соперничествѣ, увѣряютъ, что Крамеръ искалъ забвенія, въ удовольствіи не достойномъ его возвышеннаго таланта и изящныхъ привычекъ. Здоровье его однако не истощилось, Крамеръ почти никогда не былъ болѣнъ. Онъ умеръ въ пятницу, 16 апрѣля 1858 г. 88 лѣтъ. Тѣло его похоронено на Бромптъонскомъ кладбищѣ.

ПОСТРАННЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Оперный сезонъ въ Парижѣ кончился цѣлымъ мѣсяцемъ позже прежняго, но этотъ дополнительный мѣсяць былъ блестяще прочихъ благодаря пріѣзду Тамберлика, возбу-

дившему неописанный фуроръ своимъ знаменитымъ *ut dieze*. Нашъ любимый теноръ являлся въ Парижѣ только въ *Отелло* и въ тріо изъ *Вильгельма Телля*, которое пѣлъ по французски, къ великому удовольствію Парижанъ. Последней оперой нынѣшняго сезона были *Пуритане*; Гризи, создавшая роль Эльвиры въ 1835 г. и Маріо занимали по прежнему главные роли: но кака я разница противъ прошлыхъ годовъ!.. Время не пощадило знаменитыхъ артистовъ и публика рукоплескала имъ изъ уваженія къ прежнимъ заслугамъ. На дняхъ Тамберликъ уѣзжаетъ въ Лондонъ и пѣлъ въ послѣдній разъ въ Парижѣ при открытіи новаго блестящаго заведенія дирекціею журнала *le Nord*; заведеніе это основано съ цѣлію доставить Русскимъ, проживающимъ въ Парижѣ, возможность получать различныя свѣденія изъ Россіи, также и русскіе журналы. Въ день открытія заведенія былъ концертъ, въ которомъ приняли участіе Рубинштейнъ, Вѣнявскій и Тамберликъ, восхитившіи всѣхъ присутствовавшихъ Русскихъ прекраснымъ исполненіемъ романса: *Отчего?* Ристори явилась въ новой трагедіи Паоло Джіакотти: *Юдифь*. Роль Еврейки избавившей свой народъ отъ грознаго Олоферна въ совершенствѣ передается знаменитой артисткой; особенно хороша она въ четвертомъ актѣ, когда смотря на спящаго Олоферна, призывающаго ее во снѣ, подходит къ нему съ мечемъ въ рукахъ и произноситъ: Ты зовешь меня... Я здѣсь!...» Слова эти заставляютъ невольно содрогнуться. На сценѣ Французскаго театра возобновленъ *донъ-Жуанъ*, Мольера. Главную роль донъ-Жуана исполнилъ Брессанъ, паружность котораго какъ нельзя болѣе подходитъ къ типу неумолимаго покорителя женскихъ сердецъ. Извѣстный парижскій писатель и поэтъ Теофиль Готье написалъ программу новаго балета; Дельдевезъ сочинилъ къ нему музыку и новый балетъ подъ именемъ: *Яко*, представлеть на театрѣ *Porte Saint-Martin*. Было время когда на бульварныхъ театрахъ танцы считались необходимыми въ каждой драмѣ и мелодрамѣ и потому балетная труппа была неизбѣжна; теперь хотя и рѣже, но всетаки танцы вставляются въ драмы и наконецъ образовался цѣлый балетъ, данный послѣ длинной, разирательной драмы. Затѣмъ театральныхъ новостей остается весьма немного; считаемъ излишнимъ распространяться о трескучихъ драмахъ, даваемыхъ въ жаркіе вечера, когда весь Парижъ стремится въ зелень «подъ сѣнь деревьевъ». Въ это время самыми усердными посѣтителами театровъ остаются блузники, которые трепещутъ отъ ужаса и плачутъ непритворными слезами при исполненіи такой страшной драмы какъ на примѣръ: *La Nuit du 20 Septembre*, на театрѣ *Ambigu Comique*. Неправда ли такъ и чудятся убійства, подземелья, ядъ, кинжалъ и прочія принадлежности пелѣныхъ произведеній бульварныхъ театровъ. Поговоримъ лучше о двухъ умершихъ знаменитыхъ артистахъ, долго незамѣнимыхъ въ театральномъ мірѣ. Имена Лаблаша и Рашели еще не забыты вѣтрепыми Парижапами благодаря распродажѣ ихъ вещей.

Парижане стремятся въ улицу *Place Royale* въ домъ, гдѣ выставлены вещи покойной Рашели, назначенныя въ продажу. Проходя эти великолѣпныя залы, наполненныя самыми рѣдкими вещами, баснословной цѣны, можно вообразить, что

видишь чудеса изъ тысячи и одной ночи. Батистовое бѣлье обшитое валансепскими кружевами и самый дорогой фарфоръ, въ числѣ котораго находится чайная чашка, принадлежавшая знаменитой Клеронъ, разложены въ первой комнатѣ, во второй висятъ нѣсколько миниатюръ Петито, мраморное распятіе работы Кановы и мѣдный колокольчикъ, принадлежавшій когда-то императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Затѣмъ слѣдуютъ серебряныя вещи и бриліанты. Тутъ есть два подарка изъ Россіи, полученные артисткою отъ Царскихъ Особъ; превосходенъ также бриліантовый браслетъ съ эмалью, подарокъ Англійской Королевы съ надписью; *Victoire à Rachel*. Изъ безчисленныхъ фермуаровъ, браслетовъ, брошекъ и проч. нельзя не замѣтить изящной золотой булавки, въ видѣ орла, поднесенной знаменитой актрисѣ Польскимъ Обществомъ въ Парижѣ и весьма схожіи портреты г-жи Марсъ, рисованный г-жею Мирбель, вставленный въ браслетъ изъ рубиновъ и бриліантовъ. Третья комната вся наполнена театральными костюмами, напоминающими много прекрасныхъ минутъ, доставленных публикѣ гениальною артисткою. Бѣлая тюника *Полины* (въ *Доліэвктъ*), пуццовая мантия *Федры*, роскошное платье *Роксаны*, (въ *Балзетт*), черное платье *Маріи Стюартъ*; костюмы *Адриенны Лекуверрѣ*, *Тизбы* (Венеціянская актриса) *Агриппины* (Британикъ) *Іоанны д'Аркъ*, *Лидіи* (*Horace et Lydie*) и мн. др. разложены симметрически и привлекаютъ безчисленные толпы любопытныхъ. Библіотека покойной артистки также замѣчательна и вполне выказываетъ ея тонкій, изящный вкусъ. Всѣхъ книгъ до 1,500. Тутъ можно найти все что угодно. Библія лежитъ подлѣ Корана, Монтень дружно стѣснился съ Рабеле, Стернъ улыбается лорду Байрону. Множество автографовъ съ надписью: Ламартина, Виктора Гюго, Жюль Жанена, г-жи Эмиль де Жирарденъ, Понсара, Эмиля Ожье и проч. 24 театральныя рукописи съ замѣтками на поляхъ знаменитой артистки и четыре пьесы въ которыхъ отличался Тальма: *Менавистъ къ людямъ*, *Adelaide du Guesclin*, *Эдинъ* и *Габріель де Вержи*, также съ замѣтками Рапелли. Наконецъ посреди этой роскоши и собранія разныхъ рѣдкостей виситъ старая гитара, которая служила знаменитой артисткѣ въ тѣ времена когда она подымею маленькой Элизы пѣла въ кафеиняхъ Ліона, собирая по нѣсколько су въ день для пропитанія. Изъ упомянутыхъ вещей чайная чашка г-жи Клеронъ продана за 100 фр. браслетъ съ портретомъ г-жи Марсъ за 800 фр. а мѣдный колокольчикъ съ вычеканенными портретами придворныхъ императрицы Елисаветы Петровны возвращается снова въ Россію. Опъ купленъ за 500 фр. однимъ секретаремъ Русскаго посольства. Въ концѣ малъ послѣдуетъ другая распродажа, не менѣе занимательная: 77 табакерокъ покойнаго Лаблаша будутъ продаваться съ акціону также и другія рѣдкія вещи. Вилла знаменитаго пѣвца около *Maisons-Lafitte* также продается и оцѣнена въ 100 тысячъ фр.

Генрихъ Вѣнявскій далъ свой послѣдній концертъ въ Парижѣ, при содѣйствіи Рубинштейна. Знаменитый скрипачъ сыгралъ съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ первое *аллегро* концерта Бетховена, фантазію на тему изъ *Танкреды*: *Di tanti palpiti* и двѣ увлекательныя мазурки своего сочиненія.

Рубинштейнъ исполнилъ вмѣстѣ съ Вѣнявскимъ сонату Бетховена, а потомъ одинъ знаменитый *Concertstück*, Вебера. Нечего и говорить, какъ принимали обоихъ артистовъ. Кстати о Рубинштейнѣ. Нашъ талантливый соотечественникъ назначенъ почетнымъ членомъ Прагской Консерваторіи и въ тоже время получилъ приглашеніе участвовать на празднествахъ, которыя будутъ въ июнѣ по случаю 50-ти-лѣтняго юбилея основанія Консерваторіи.

Въ Брюсселѣ дана въ первый разъ опера герцога Кобургъ-Готскаго: *Санта-Кіара*. Опера эта, данная съ успѣхомъ въ Парижѣ, въ 1855 г. встрѣтилась въ Брюсселѣ большое сочувствіе.

Луи Мауреръ съ сыномъ своимъ Александромъ, виолончелистомъ Петербургскихъ Императорскихъ Театровъ, давалъ концертъ въ Берлинѣ. Концертъ этотъ былъ передъ балетомъ *Сильфиды*, въ которомъ участвовала Надежда Богданова. Въ концертѣ самыми замѣчательными нумерами были: увертюра Маурера къ балету *Тиль*, дирижировалъ Л. Мауреръ, и концертъ для 6-ти скрипокъ, исполненный Рисомъ, Гаццомъ, Циммерманомъ, Стефенсомъ и А. Богдановымъ. По случаю бракосочетанія Принцессы Гогенцоллерн-Зингмаринской съ Королемъ Португальскимъ готовится празднество въ Берлинѣ и Мейербереръ вызвалъ телеграфической депешой изъ Пизцы дирижировать оркестромъ въ придворныхъ концертахъ.

Въ Вѣнѣ умеръ недавно Карлъ Бетховенъ, племянникъ гениальнаго композитора. Италійская труппа скоро кончитъ свои представленія; въ продолженіи сезона даны: *Моисей*, *Ченерентола*, *донъ-Жуанъ*, *Трубадуръ* и *Свадьба Фшаро*. Эверарди и Каррионъ были превосходны въ *Моисей*. Послѣ 19-ти лѣтняго отсутствія эксцентрической скрипачъ Оле Буль, возвратился въ Вѣну. Публика встрѣтила его съ удовольствіемъ и особенно рукоплескала порвежской фантазіи: *Norges tyilde*.

Мы уже писали какой восторгъ произвела г-жа Вярдо въ Лейпцигѣ. Въ предъидущемъ ея концертѣ многочисленные почитатели знаменитой артистки поднесли ей лавровый вѣнокъ. Послѣ концерта оркестромъ Лейпцигскаго театра была исполнена серенада подлѣ окнами г-жи Вярдо.

Въ Лондонѣ вѣнская пѣвица г-жа Титъенсъ все болѣе и болѣе правится публикѣ, въ роли Валентины (въ Гугенотахъ) она очень хороша; теноръ Джульни достойно ей вторитъ въ роли Рауля. Обѣщаютъ въ скоромъ времени *Трубадура* съ Альбони, Титъенсъ и Джульни. Пикколомини явилась въ *Дочери Шолка* и *донъ-Паскуалъ* и будетъ пѣть въ скоромъ времени въ *Луизѣ Миллеръ*, въ которой имѣла большой успѣхъ въ Италіи. На Ковентгарденскомъ театрѣ съ вѣтераніемъ ожидаютъ появленія Маріо въ роли *донъ-Жуана*; роли *донны Анны* и *Церлины* займутъ г-жа Гриси и Бозіо. Ристори не пріѣдетъ нынѣшнее лѣто въ Лондонъ также и артисты Французскаго театра (*Comédie Française*); въ замѣнъ того будетъ множество концертовъ.

Въ Неаполѣ исполнена въ тамошней консисторіи симфонія для оркестра Кизля Юсупова подлѣ названіемъ; *Gonsalvo de Cordoue*, богатая прекрасными мелодіями.

Оканчивая Вѣстникъ прибавимъ, что Россіи до того увлекся игрою знаменитаго Серве, что нарушилъ свой олимпійскій покой и написалъ прелестную мелодію для виолончели, которую посвятилъ Серве.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ,

изданныя и продающіяся въ магазинѣ

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

бывшаго И. Пеца, въ Большой Морской, въ домѣ
Лауферта № 27, въ С. Петербургѣ.

Pour le piano à quatre mains.

(Для фортепiano въ 4 руки).

BEYER. Op. 85 liv. 1. Les Delassements. Recueil de petites leçons.	1	—
« « op. 112. La Bohémienne. Opera de Balfe.	1	—
БУЛАХОВЪ. П. Колыбельная пѣсня. Pièce facile	—	40
BOIELDIEU. Ouverture, Dame blanche	—	85
« Jean de Paris, ouverture.	1	15
CZERNY. Concerto op. 135. (C dur.)	4	30
* ДАРГОМЫЖСКІЙ. Увертюра Русалка	1	50
* GLINKA Valse-fantaisie, arrangée par Engelhardt.	1	50
« Камаринская. Scherzo арабж. Вильбоа	1	15
« Мазурка изъ Оперы Жизнь за Царя	1	50
« Краковякъ	1	70
« Танцы. (A dur)	1	15
« 3 Антракта (E m. C m. A m.)	по	75
« Увертюра изъ Оперы Жизнь за Царя	1	70
* HALPERT. Petite valse	—	60
* HENSELT. Op. 1 Variations de concert sur l'opera: Elisire d'amore. (Io son rico)	2	50
« op. 2, Six Etudes caractéristiques de concert. arr. p. Mockwitz	2	—
« op. 2, N 6. Si oiseau jetais. arrangée par Mockwitz.	—	60
« op. 3. Poème d'amour, arrangée par Mockwitz.	1	30
« op. 7. Rhapsodie, arrangé par Mockwitz	—	60
« op. 5. N 11. Liebeslied	—	60
« op. 6. Deux Nocturnes. La Fontaine et Schmerz im Glück arr. par Mockwitz.	1	30
« op. 7. Impromptu	—	30
« op. 8. Pensée fugitive	—	50
« op. 10. Romance en si bémol	—	50
« op. 11. Variations de Concert sur Robert le Diable	2	50
« op. 13 N 1. Air russe 1. 30. Gondola-Etude arrang. par Mockwitz.	—	85
« op. 13 N 3 et 4. Cavatine et Barcarole par Mockwitz	1	50
« op. 13 N 7. Marche hongroise (Rogoczy-Marsch)	1	15
« op. 16. Tableau musical. Mélodie champêtre et Fantaisie sur l'air bohémien russe	1	70
« op. 28. Petite Valse favorite	—	60
« Wiegenlied, arrangée par Ch. Czerny	—	60
« Das ferne Land. Mélodie	—	60
« Mazurka et Polka, arrang. par l'Auteur	1	50
HUNTEN. Air suisse variée op. 32	1	—
MOSCHELES. Sonate. F-dur	—	70
MOSCHELES. Rondo brillant. A-dur	1	15
* RALL. Variations	—	85
RIES. Di tanti palpiti de l'opéra: Tancred de Rossini	1	—
ROSSINI. Ouverture. Barbier de Seville	1	15
« Guillaume Tell	1	—
* STEIBELT. Ouverture Romeo et Juliette	1	15

Pour le piano à 5 mains.

(Для фортепiano въ 5 руки).

* HENSELT. Das ferne Land, Mélodie	—	60
* STEIBELT. 6 nouvelles Valses, dédiées aux Dames	1	—
* TOLSTOY, TH. Ouverture de l'opera: Il Berricchino di Parigi	1	50

Pour le Piano seul.

(Для одного фортепiano въ двѣ руки).

Сочиненія, обозначенныя знакомъ *, составляютъ исключительную собственность Стелловскаго.

ADAM. »Cujus animam« du Stabat Mater de Rossini	—	60
* ALBERTI. Bouquet de Mélodies la vie pour le Czaar (Жизнь за Царя) de M. Glinta	1	—
« Bluettes. do.	—	75
ARK, CH. van. Méditation	—	50
* ARNOLD. Rondo sur un thème Norvégien. op. 13	—	50
« Romance sans paroles	—	50
ASCHER. Vaillance. Polka militaire	—	40
« Danse Espagnole, op. 24	—	85
« Marche Bohême, op. 25	1	—
« Mazurka des Traîneaux	—	85
« La Perle du Nord. Mazurka	—	75
* ASSMAYER. La Pensée Rondo brillant	—	70
« La Tulipe. Rondo	—	50
AUBER. Опера, Палермскіе Баццлты (Fenella)	2	—
« Bolero de la »Muette de Portici«	—	30
« Bolero de l'opéra: les Diamants de la Couronne d'Auber	—	30

(Продолженіе въ слѣдующемъ №.)

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЬ

фортепianoшаго фабриканта

ФРИДРИХА ВУРСТЕРА,

въ С. Петербургѣ, въ Большой Мъщанской, противъ Новаго переулка, въ домѣ Гольдбека.

РОЯЛЬ, по образцу парижскихъ эрардовскихъ, съ эрардовскою механикою въ 7 октавъ, палисандроваго дерева.	700	р.
— съ англійскою механикою и металлическою доскою въ 7 октавъ, палисандроваго дерева	550	»
орѣховаго дерева	525	»
КАБИНЕТЪ-РОЯЛЬ съ англійскою механикою, палисандроваго дерева	400	»
орѣховаго дерева	375	»
ПИАНИНО съ англійскою механикою, пеуступающею лучшимъ заграничнымъ, палисандр. дер.	300	«
орѣховаго дерева.	275	»